

Виталий Давид

Мордюкова, которой безоглядно Веришь

*Биографии великих
Неожиданный ракурс*

Виталий Дымов
Мордюкова, которой безоглядно веришь
Серия «Биографии великих. Неожиданный ракурс»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949555
Мордюкова, которой безоглядно веришь / Виталий Дымов: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58395-9

Аннотация

Редакционным советом британской энциклопедии «Кто есть кто» Нонна Мордюкова была признана одной из десяти самых выдающихся актрис XX века. Она снялась в 62 фильмах, ее героини самобытны, образы яркие, нестандартные и навсегда запоминающиеся. Спутать Нонну Мордюкову с кем-либо еще просто невозможно. Несмотря на безумную популярность, в биографии актрисы есть много «темных пятен», а официальные данные о ней зачастую расходятся с тем, что Мордюкова рассказывала о себе сама. Такой она была в жизни: немного странной, нелогичной и непредсказуемой; иногда слишком простой, иногда – слишком сложной. Но всегда – исключительно талантливой и до слез душевной...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виталий Дымов

Мордюкова, которой безоглядно веришь

Глава 1

25 ноября 1925 года в селе Константиновка появилась на свет Нонна Викторовна Мордюкова. А если точнее, по документам, то звали новорождённую Ноябриной Александровной Афоничевой. Как говорится, найдите три отличия... О «парадоксах» отчества и фамилии поговорим чуть ниже, а начнём с имени. Но перед тем – пару слов о дате рождения. Впоследствии в некоторые справочники закралась опечатка, что Мордюкова родилась не 25, а 27 ноября. Но это явная ошибка – дата рождения (25 ноября) зафиксирована в документах чётко.

А вот теперь – об имени. Имя Ноябрина теперь практически не встречается, да и в 20-е годы его давали детям не слишком часто. Считается, что честью носить такое имя будущая актриса должна быть благодарна в первую очередь своей матери Ирине Петровне. В семье передавался рассказ, что однажды та познакомилась с женщиной, которая ей очень понравилась, да ещё и среди прочего поведала матери будущей актрисы увлекательную историю, как встречалась с Лениным (подобные сюжеты в то время были достаточно популярны среди народа – Ленин воспринимался многими как народный заступник, который любого примет, выслушает, поможет). Женщину-рассказчицу звали Нонной. Когда через некоторое время в семье Ирины родился первый ребёнок, девочка, и мать пошла регистрировать её в сельский Совет, то сомнений относительно будущего имени у неё не было: разумеется, только Нонна – в честь доброй подруги. Однако сельсоветская «барышня», ведавшая регистрацией, гласит легенда, якобы не нашла в директивных именных книгах подобного имени и посоветовала назвать девочку Ноябриной – благо за окном как раз заканчивался последний месяц осени... Дескать, в сокращённом варианте Ноябрина и будет та самая Нонна, объяснила деловитая сельсоветчица. Совет был принят к сведению, и девочку назвали Ноябриной.

Семейное предание преданием, но вполне очевидно, что имя новорождённой носило явный политический подтекст. Отменив вместе с религией и религиозной моралью церковные «святцы», советская власть стремилась среди прочего создать и новую систему имён и названий. Тогда уже взрослые люди брали себе более «благозвучные» с революционно-советской точки зрения имена и даже фамилии. Конечно, логичнее было бы назвать девочку Октябрьной, да и имя это было распространено всё-таки шире, чем Ноябрина. Но тут, похоже, и в самом деле сыграл роль месяц рождения ребёнка – ноябрь. К тому же годовщины Октябрьской революции вследствие ещё одной большевистской реформы – перехода в 1918 году на григорианский календарь («новый стиль») – отмечались уже 7 ноября, и это стало достаточно устойчивой традицией в людском сознании. Так что имя Ноябрина по сути ничем не уступало Октябрьной, да ещё и несло в себе некоторую информацию о дате рождения малышки...

В момент рождения Ноябрины её мать Ирина Петровна (урождённая Зайковская) была замужем за Александром Афоничевым, который и был отцом девочки, первенца в молодой семье. Однако трагические обстоятельства очень рано наложили отпечаток на судьбу новорождённой. Ноябрина была ещё совсем маленькой, когда отец её погиб в железнодорожной катастрофе. А через некоторое время мать с младенцем на руках отправилась в достаточно дальний путь – на Кубань. Минувя Ростов-на-Дону, перебрались в село Глафировка Краснодарского края, где и поселились.

Нынче Глафировка – небольшой курортный посёлок с населением менее двух тысяч человек, относящийся к Щербиновскому району Краснодарского края. Располагается курорт на восточном побережье Азовского моря, а точнее, Таганрогского залива. Найти Глафировку можно не на каждой карте. Но проще сориентироваться по обозначенной на картах Азовского моря песчаной косе протяжённостью свыше шести километров, которая отделяет Ейский лиман от уже упомянутого Таганрогского залива. Так вот, эта коса расположена к югу от Глафировки. Она и называется Глафировкой, а о местной природе даёт некоторое представление название небольших островов, которые служат словно бы продолжением косы, – Птичьих острова. Недалеко от курорта лежит и Зелёный остров, носящий также название Ейского острова (или косы).

Как, вероятно, уже заметил внимательный читатель, названия населённых пунктов, в которых проходило детство Ноны Мордюковой, довольно часто связаны с именами конкретных людей. Глафировка не стала исключением. Известно, что своё название она получила от имени здешней помещицы Глафиры Романовой. Произошло это, как выразился Александр Сергеевич Грибоедов в бессмертной комедии, во времена «очаковские и покоренья Крыма»... А если быть более пунктуальным, то основали Глафировку в 1784 году, и относилось село в то время к Ростовскому уезду Екатеринославской губернии. Прежде здесь вольготно чувствовали себя хозяевами кочевые татары, подданные крымского хана. Но русские штыки своими победами изменили здешний «геополитический расклад». А вскоре на присоединённые к Российской империи плодородные южные земли потянулись в поисках лучшей доли поселенцы – русские и украинские крестьяне (в том числе бежавшие от помещиков крепостные), казаки, а также армяне и греки (многие из которых переселились к православным русским единоверцам, чтобы уйти из-под гнёта турок-османов). Да и хозяйственные немецкие колонисты, которым российское правительство давало немалые льготы и привилегии при освоении новых земель, рассчитывая на их трудолюбие и всем известную хозяйственность, тоже не минули здешних мест. Особенно активизировался процесс заселения кубанских земель в начале XIX века. А спустя почти сто лет, во время Всероссийской переписи населения 1897 года, в Глафировке насчитывалось полтысячи дворов с населением почти три с половиной тысячи жителей. Раз в год в селе проходила ярмарка, весьма популярная в окрестных краях и привлекавшая купцов даже из Таганрога и Ростова. Торговали преимущественно дарами кубанских степей и Азовского моря, проще говоря, зерном и рыбой. А оба местных маслобойных завода и почти десяток ветряных мельниц, нужно полагать, тоже без дела не простаивали. Не слишком мешало местной промышленности и торговле даже то обстоятельство, что Глафировка была несколько удалена от тогдашних «благ цивилизации» – например, ближайшая железнодорожная станция располагалась в станице Старощербиновской, а чтобы воспользоваться услугами почты, приходилось ехать в село Шабельское. И ещё один немаловажный по тем временам факт: в 1888 году Глафировку вместе со всем Ростовским уездом передали из состава Екатеринославской губернии в подчинении Области Войска Донского. Понятное дело, это не сделало автоматически всех обитателей Глафировки казаками, однако свой отпечаток на здешний менталитет наложило. И приехавшая сюда в младенческом возрасте вместе с матерью Ноябрина Афоницева уже могла с достаточным основанием считать себя жительницей казачьего края.

В кубанских краях Ирина Петровна Афоницева, молодая вдова с ребёнком на руках, встретила будущего второго мужа и отца своих восьмерых детей (правда, трое из них умерли в самом раннем возрасте). Виктор Константинович Мордюков, вступив в брак, официально удочерил Ноябрину, дав ей свою фамилию. Тогда же было изменено и отчество девочки. И именно с этого времени мы можем говорить о Нонне Викторовне Мордюковой.

А время начиналось бурное. Вслед за индустриализацией страны кремлёвское руководство провозгласило курс на коллективизацию сельского хозяйства, сопровождавшую

юся массовым «раскулачиванием» наиболее зажиточной части крестьянства и казачества. Понятно, что на плодородных землях Дона и Кубани этот процесс происходил наиболее драматично, обретая временами формы едва ли не «скрытой гражданской войны».

Коллективизация с её трагическими «перегибами» фактически расколола крестьянство и казачество. Часть его непримиримо отнеслась к нововведениям, саботируя их и порой даже поднимаясь с оружием в руках на стихийные, заранее обречённые на неудачу бунты. Большинство постепенно смирилось с новыми порядками, вступив в колхозы и взвалив на плечи тяжкий труд практически за бесценок. Но были и те, кто искренне, всем сердцем поверил в преобразование деревни, в её успешное развитие на пути колхозного строительства, в радости «коллективного созидательного труда». Ирина Петровна Мордюкова относилась именно к таким людям. И стала активисткой, настоящей энтузиасткой колхозного движения, а спустя некоторое время вступила в коммунистическую партию. Была избрана председателем колхоза, хотя женщина на такой должности в те времена была всё-таки довольно редким явлением.

Нонна Мордюкова, как мы помним, была старшим ребёнком в семье, к тому же с младенческих лет отличалась крепким телосложением. Девочка подрастала – и становилась шире в плечах, крепче в мускулах. Позже в мемуарах актриса чуть иронически, но и не без гордости сравнит себя с представителем такой явно не женской профессии, как грузчик. Да она и воспринимала себя в то время в некотором роде мальчишкой.

Семья жила бедно, хотя в трудолюбии и упорстве никому из Мордюковых отказать было нельзя. Взрослые выбивались из сил, стремясь свести концы с концами и хоть немного улучшить своё материальное положение, но сил и времени на все работы не хватало. Неизбежно приходилось привлекать к работе детей. Но Нонна от работы никогда и не отлынивала. Ведь к матери она относилась с любовью, порой даже плакала от жалости к её нелёгкой доле. И порученные дела выполняла безо всяких отговорок. Другое дело, что детский возраст всё же брал порой своё: так хотелось искупнуться в реке, сбегать в ближайший лес, поиграть со сверстниками, что Нонна иногда могла сделать вид, будто не слышала маминого зова о помощи.

А семья между тем становилась всё больше. Один за другим у Нонны рождались братья и сёстры. Маленькие, ничего ещё не умеющие и ничего не знающие в этой жизни, но настоятельно требующие к себе внимания и заботы. Получалось так, что нянчить малышей, носить их на руках, убаюкивать, носы вытирать приходилось, прежде всего, самой старшей из детей сестре. А наносить топлива для растопки печки (на Кубани таким топливом служили чаще не дрова, а хворост), а притащить кукурузы для рассыпчатой мамалыги?.. По мере роста и прибавления силёнок Ноне пришлось заниматься всё более непростыми видами работ – вплоть до выходов в поле и ухода за скотом. А сколько тяжёлых вёдер с водой пришлось перетаскать, разве кто-нибудь сосчитает? Но работа в те времена воспринималась детьми из бедных крестьянских семей как неизбежность. Родился, получил имя и место жительства – так будь любезен, работай, помогай взрослым. Таков был жизненный уклад многих поколений, и изменить его при всём желании было невозможно.

Между тем Ирина Петровна была не слишком расположена к похвалам своей старшей дочери и прочим «сантиментам». И не по причине чрезмерной строгости или жестокости. Просто жизненные условия, суровая борьба за выживание не располагали к излишней мягкости. Материнская любовь и забота доставались маленьким на тот момент детям, а на старших возлагалась в первую очередь ответственность. Отголосок детской обиды слышится в воспоминаниях Нонны Викторовны, когда упоминает она, как мать ругала её за надкушенный пряник (лакомство, скорее всего, берегли к какому-то праздничному событию либо хотели побаловать им меньших детей). Даже «кобылой здоровой» обозвала Нонну. А когда

та попыталась оправдаться, что не имеет никакого касательства к надкушенному прянику, то была сражена убойным аргументом: как же не ты, когда на нём следы твоих зубов остались?

А однажды посмотрела Нонна на свои ещё детские руки и увидела, что они уже напоминают во многом материнские, – такие же натруженные, утратившие данную природой красоту. И только вздохнула девочка, понимая, что не переломишь жизненные обстоятельства, не избежишь тяжёлой, но необходимой работы.

А как хотелось ей носить не перешитую-перелицованную одежду, где и размер-то далеко не всегда подходил, а что-то более красивое! В своих воспоминаниях Нонна Викторвна упомянула, как девятилетней девочкой зашла вместе с матерью в сельпо. Вообще-то детям там делать было нечего – денег на какие-либо невиданные лакомства им всё равно не давали. Да и не было в магазине этих самых конфет. На прилавке красовалась разве что сладкая патока, которой и угощали родители детей по редким праздникам, а в будни обычно – оставшимися после работы в поле кусками хлеба «от зайчика»... Но на сей раз Нонна увязалась за матерью, которая в этот день была в хорошем настроении. Накануне из города ей привезли шифоньерку, о которой давно мечталось. Простенькая, но городская мебель заметно украсила хату. Отчим поставил шифоньерку в красном углу (икон в своём доме коммунисты Мордюковы, понятное дело, не держали), Ирина Петровна постелила рядом домотканую дорожку – и обстановка хаты преобразилась, повеселела. (Добавим, кстати, что Мордюкова-старшая всегда охотно перенимала приметы городского быта: стриглась коротко, духами пользовалась, завела симпатичное кожаное пальто – атрибут тогдашних советских активисток.)

А в сельпо Нонна узрела вдруг подлинное чудо – матросский костюмчик для девочки. Столько лет прошло с тех пор, а навсегда запомнились и кашемировая материя, а причудливое сочетание белой, синей и красной расцветок, и кофточка, украшенная флотским воротником. Кажется, даже в темноте светился этот неописуемой красоты наряд!

Не день и не два ходила девочка за матерью и канючила, чтобы та купила ей матроску. Бегала ежедневно в сельпо, чтобы посмотреть, не забрал ли кто-нибудь это чудо. Но матроска по-прежнему красовалась на своём месте... Наивной девчонке подумалось даже: не для красоты ли её тут повесили? А может, это образец для тех, кто хочет научиться шить?

И всё-таки юной героине автобиографического рассказа повезло обрести обновку. К матери в колхоз приехало начальство, и в степи нужно было показать для гостей небольшой концерт, где собиралась петь и сама Ирина Петровна, а старшую дочку попросила закончить выступление тоже песней. Вот тут-то Нонна и сумела поставить своё условие. Посокрушалась мама из-за цены матроски (не на взрослую женщину ведь платье), но затем тоже прониклась красотой этого наряда. Захотелось сделать дочери что-то приятное. И перед концертом Нонна покрасовалась перед сельчанами на улице и во дворах, охотно демонстрируя обновку...

Несмотря на все тяжести тогдашней сельской жизни и материнскую суровость, актриса вспоминает о маме с любовью. Между матерью и старшей дочерью словно существовала какая-то не всегда осязаемая, но от этого не менее прочная душевная связь. Может, кто-то из младших ребятишек и был более красивым, хорошеньким, кого-то матери приятнее было понянчить, но Нонна зато понимала мать больше, чем кто-либо из остальных детей. В различных делах и начинаниях Ирина Петровна привыкла в первую очередь полагаться только на старшую дочь.

И всё-таки, всё-таки... Взаимоотношения даже самых близких, родных, любящих друг друга людей вряд ли могут оставаться всё время безукоризненно безоблачными, не замутнёнными обидами и горечью. Были такие моменты и у Нонны, что тут скрывать. И много позже в мемуарах вырвутся у неё искренние и в то же время горькие строки, что были у неё в жизни моменты, когда она свою мать ненавидела. И за её болезни (Ирина Петровна

страдала от подагры на левой ноге), и за некоторую долю самодовольства, ибо председательница колхоза (возможно, подсознательно, а не преднамеренно) привыкла переносить жёсткий стиль руководства подчинёнными в семью, в отношения с детьми, считать своё мнение единственно верным и правильным. Как говорится о таких людях: слишком много она знает, слишком много на себя берёт. А тут ещё постоянные беременности (напомним, что после Нонны Ирина Петровна выносила и родила восьмерых детей, из которых трое рано умерли). Ведь нянчить-то детей всё время приходилось опять-таки Нонне!

Но не стоит думать, что в семье не было светлых дней, своих радостей и праздников. У матери будущей актрисы наряду с красивой внешностью был замечательный голос (настоящее меццо-сопрано и абсолютный слух, как позже отмечали знавшие Ирину Петровну актёры и режиссёры, друзья и коллеги Нонны), она прекрасно исполняла не только народные русские и казачьи песни, но и романсы, считавшиеся более городским жанром. Недаром в своё время с десятилетнего возраста Ирина пела в церкви на клиросе. И Нонна тоже с ранних лет разделила с мамой это её увлечение. Нередко мать и дочь пели вместе – и тяжкая работа казалась им тогда легче. Собственно говоря, вся семья Мордюковых была довольно музыкальная, петь здесь любили и умели. Пели, кстати, не только по-русски. Поскольку казаки в здешних краях издавна говорили преимущественно на «малороссийском наречии», то много пели и украинских песен.

Ирина Петровна одно время затеяла в колхозе даже такое необычное по тем временам дело, как самодеятельный театр, где пробовала ставить даже целые оперы. Конечно, оперная музыка – не совсем то, что подходило здешним самодеятельным артистам, но Мордюкову-старшую тянуло именно к этому музыкальному жанру. Видимо, его величавость напоминала ей собственное детство и пение в церковном хоре. Особенно любила Ирина Петровна исполнять арию из оперы «Наталка-Полтавка». Нонна уже в девятилетнем возрасте тоже не отставала в этом смысле – любимым её номером в концертах была песня дурачка – персонажа оперы «Сватанье в Гончаровке».

А разговоры по душам между матерью и старшей дочерью на самые разные темы? Другие дети были ещё слишком маленькими для таких душевных бесед-«философствований», а вот с Нонной мать могла порассуждать, рассказать истории из своей жизни... И временами вырывались у измученной тяжкой жизненной долей женщины мечты. Созвучные той эпохе, малодостижимые в те времена и такие будничные и приземлённые для нас теперь. Например, купить валенки с калошами, без которых трудно приходилось в зимние холода. Или съездить на курорт (а ведь, если вдуматься, Кубанское побережье и само по себе было местом курортным, но одной «географии» для полноценного отдыха мало, а позволить себе поехать в настоящий санаторий Ирина Мордюкова не могла). Увы, ни валенок с калошами мама так и не купила, с оттенком горечи вспоминает актриса, ни на курорт не поехала. Много лет спустя, незадолго до смерти, наступившей от рака, Ирину Петровну положили в больницу, где её проводывала старшая дочь. Не избалованной уютом и комфортом женщине очень нравился уход в довольно скромной больничке, она даже связывала с ним надежду на скорое выздоровление. Но не суждено было...

Едва ли возможно взвесить на каких-то гипотетических весах, что передала своей старшей дочери Ирина Мордюкова в наследство, какие черты характера, какие творческие способности и таланты. Несомненно одно: на дочь она оказала большое влияние. И недаром многие, кто знал её, считали, что у Ирины Петровны было артистическое дарование. Да, пожалуй, скромное, однако без него мог и не разгореться тот яркий талант, который прославил её дочь перед миллионами зрителей.

Отчима своего в мемуарах Нонна Викторовна вспоминала гораздо реже и сдержаннее, чем мать. Виктор Константинович был военнослужащим, поэтому дома появлялся только временами. Преимущественно занимался хозяйственными делами, да и жену с падчерицей и

остальными детьми старался переключить с песенных и оперных затей на дела практические – например, на заготовку овощей, без которых перезимовать было бы сложно.

Неудивительно, что девочка, поглощённая заботами по дому и хозяйству, воспринимала школу не столько как образовательное учреждение, как место для отдыха. Училась будущая актриса, как она сама потом признавалась, не ахти. Зато с трудом дожидалась звонка с урока, чтобы через окно выскочить на улицу и вволю бегать, кричать, играть со сверстниками в разные детские забавы. Порой случались и чрезмерные по тогдашним пуританским временам шалости. Однажды тайно вытащила из материнского председательского портфеля, где та носила все важные бумаги, паспорт на породистую кобылу и подбросила в школе под ноги учительнице, с которой была во враждебных отношениях. И тут же с невинным видом поинтересовалась, не преподавательница ли обронила «свою бумагу»... Или случай, когда Нонна, усаженная учительницей на первую парту, чтобы поменьше шалила и отвлекала других детей, тут же улучила подходящий момент и, когда учительница отвернулась к доске, с силой запустила калошей в стену класса...

Непростые отношения с педагогами энергичной и порывистой девочки, имевшей свои понятия о справедливости, не раз приводили к тому, что она была на грани исключения из школы. Собственно говоря, впервые её исключили уже в первом классе. Ирина Петровна, впрочем, отнеслась к происшествию со смехом и не совсем «педагогично». Сказала дочери, что её учительница сама не блещет особой учёностью, переменяла множество работ, пока не устроилась в школу, поэтому особого морального права требовать что-либо с детей не имеет. В итоге через год Нонна повторно отправилась в первый класс.

Тем не менее были предметы, по которым извечная троечница получала хорошие оценки. Речь о русском языке и литературе. Сочинения писались легко. Собственно, чему удивляться, если класса с пятого по собственной инициативе Нонна начала записывать разные житейские истории – и смешные, и грустные казусы, случавшиеся в округе. Записывала на клочках бумаги – с тетрадями в те времена было непросто. Однако же клочки эти берегла даже в годы войны и, как признавалась потом, они ей послужили и во время работы над мемуарами. Куда труднее давались математика и прочие точные науки. Выручала одноклассница, которая с математикой дружила и позволяла у себя списывать.

При всём своём порывистом и даже вспыльчивом характере Нонна не относилась, однако, к породе злостных нарушительниц дисциплины. Однажды в школьной уборной чья-то рука начертала матерное слово. Педагоги заподозрили Нонну. Та попыталась убедить их, что она непричастна к этому. Слёзы и просьбы, с которыми убеждала учителей, запомнились надолго. Настолько расстроилась, потому что ей не верили, что промелькнули в голове мысли о самоубийстве. К счастью, Ирина Петровна, узнав от дочери об этом происшествии, поверила Нонне и сумела убедить педагогов в её невиновности.

Зато когда нужно было сделать какую-нибудь работу по школе – в классах убрать, перетянуть школьную мебель, то учителя обычно призывали на помощь в первую очередь Мордюкову. А та уже в темпе собирала дружину из своих сверстников и, засучив рукава, принималась за работу.

Педагоги признавали, что Нонна – человек общительный, пользующийся уважением и авторитетом среди ровесников. Но всё же со школой отношения у неё складывались непростые.

Всё больше и больше тем временем начал привлекать юную казачку мир искусства. О песнях, которые с мамой распевали дуэтом, уже говорилось. А какие ещё шедевры искусства можно было увидеть в небольшом селе? И всё-таки очаги цивилизации тут существовали. Во-первых, детвору, да и взрослых, привлекал большущий радиорепродуктор, из которого разносились по окрестным улицам не только новости народно-хозяйственного и идеологического фронта, но и выступления столичных певцов и актёров, вплоть до трансляции музы-

кальных спектаклей. Где-то там, за тысячи километров, кипела удивительная и насыщенная жизнь, выступали перед переполненными зрительными залами знаменитые артисты... Чем-то очень притягательным, манящим и в то же время пугающим веяло от радиопередач на девочку, застывшую на сельской улице рядом со столбом, увенчанным чёрной тарелкой.

Но ещё больший эффект оказал на неё мир кино. Хата, крытая камышом, старик-киномеханик, не так уж и часто крутивший привезённые из района картины, забитое зрителями тесное помещенье – как далеко всё это было от роскошных по тогдашним понятиям кинозалов в крупных городах, не говоря уже о далёкой и таинственной Москве... Но тем сильнее была тяга к такому волшебному виду искусства, тем больше хотелось самой принять хоть какое-то участие в создании таких прекрасных произведений. И уже с двенадцати лет Нонна решила для себя, что обязательно свяжет судьбу с кинематографом. Во всяком случае, так она сама утверждала впоследствии.

Были у юной зрительницы, разумеется, и свои любимые артисты. Один из них сыграл значительную, хоть и косвенную, роль в дальнейшей судьбе девушки. В сорок первом году на экраны страны вышел фильм «Богдан Хмельницкий». Это было время, когда в Европе уже полыхала Вторая мировая война, чей пожар всё ближе приближался к советским границам. Экономика и весь уклад жизни страны постепенно переводились на военные рельсы. Важную роль в патриотическом воспитании молодёжи играли фильмы, в том числе на исторические темы. На экраны выходили кинокартины об Александре Невском, Суворове, других видных деятелях военной истории... В этом ряду был и фильм об украинском гетмане, поднявшем свой народ на борьбу с «ляхами» и в 1654 году перешедшем по решению Переяславской рады под покровительство московского царя. Исторически непростую и противоречивую фигуру Богдана Хмельницкого играл известный актёр Николай Мордвинов (1901–1966). Правда, известен он был более как театральный актёр, его карьера в кино только началась, ещё впереди были награждения тремя Сталинскими и Ленинской премией, звание народного артиста СССР, однако главное, что игра его с самого начала (а это были фильмы «Последний табор» и «Маскарад») привлекала симпатии зрителей. Мордвинов к тому же выступал на радио с чтением художественных текстов, в том числе поэмы Лермонтова, что также прибавляло ему популярности.

В некоторых статьях о Нонне Мордюковой утверждается, что она написала письмо Мордвинову, увидев его в фильме «Котовский», где актёр также играл главную роль. Но это ошибочное утверждение, потому что «Котовский» вышел на экраны только в 1943 году. Письмо же датируется сорок первым годом.

Актриса вспоминала, как увидела афишу фильма «Богдан Хмельницкий» и в тот же вечер решила написать письмо своему кумиру: дескать, как попасть в сказочный мир киноискусства? Сочиняла послание вечером, при зыбком свете керосиновой лампы. Самое же удивительное, что через некоторое время безвестной глафировской восьмикласснице пришёл ответ. По одной из версий, случилось это утром 22 июня 1941 года. Мол, Нонна, ничего ещё не зная о войне, мыла пол в доме, как вдруг ей на голову упал конверт, брошенный почтальоном сквозь дверную щель. Несмотря на красочное описание деталей, перед нами явно более поздний и романтизированный вымысел. Однако действительно в июне 41-го Нонна получила ответ от Мордвинова. Рискнём предположить, что Николая Дмитриевича могло привлечь сходство их фамилий, благодаря чему он выделил письмо из своей обширной почты и решил ответить наивной претендентке на звание актрисы. Актёр ответил, несмотря на свою занятость, о которой упомянул в первых же строках письма.

Нонна не верила собственным глазам. В реальности происходящего её убедила бумага, на которой было написано письмо, – плотная, желтоватая, шелковистая на ощупь, схожая с теми листами, что встречались в старинных книгах... Мордвинов писал, что для обретения актёрской профессии желательно закончить ВГИК – Всесоюзный государственный инсти-

тут кинематографии в Москве, но для этого нужно предварительно получить аттестат за десять классов. В любом случае, констатировал Николай Дмитриевич, среднее школьное образование необходимо для полноценной жизни и работы.

Нонна была тронута искренностью и добротой, которая ощущалась в строках письма. К тому же Мордвинов приглашал её в будущем приехать в Москву и разыскать его там, рассказывал о ВГИКе... Счастливая школьница зачитывала присланное письмо всем знакомым и друзьям, при этом более всего старалась, чтобы важностью события прониклась Ирина Петровна.

Увы, в скором времени семье Мордюковых предстояло изведать совсем иные маршруты, чем поездка в Москву... Начало войны на несколько лет перечеркнуло планы Нонны стать актрисой. Хотя даже все ужасы военных лет не заставили её изменить своей мечте. Но обо всём по порядку.

Глава 2

Первый год войны, с лета 41-го до лета 42-го, воспринимался жителями кубанских станиц ещё как бы отстранённо, опосредованно, потому что эти края далеко не сразу стали ареной военных действий. Понятное дело, с первых же дней началась мобилизация военно-обязанных. Немало было и добровольцев, у военкоматов выстраивались очереди из желающих попасть на фронт. Случалось, те, кому отказывали по каким-то причинам (возрасту или болезни, например), плакали. Наблюдая за происходящим, не могла сдержать слёз и Нонна. А однажды она увидела, как потеряла возле колодца сознание и упала на землю женщина, получившая извещение о гибели мужа. Нонне казалось в тот миг, что она живёт чувствами этой женщины, что это ей самой принесли похоронку на близкого человека. И это не было притворством или наигранностью – это было сопереживанием иной судьбе, иному человеку, своеобразным перевоплощением в него, без чего, по большому счёту, невозможна никакая актёрская игра...

Отчим Нонны Виктор Константинович, человек с армейским опытом, тоже ушёл на фронт, а на оставшихся трудоспособных членов семьи легла двойная нагрузка. Лозунги призывали: «Всё для фронта, всё для победы!» А в свободное от работы время были мучительные минуты неизвестности за судьбу своих близких и тревоги от кажущегося порой необратимым движения немецких полчищ в глубь страны. Когда пал Ростов-на-Дону, казалось, что вскоре оккупанты придут и на Кубань. Однако в конце сорок первого звучавшие по радио сводки Совинформбюро принесли радостные вести о поражении немцев под Москвой. Тогда же советскими войсками был освобождён от гитлеровцев Ростов, начались наступательные десантные операции в Крыму, направленные на снятие вражеской осады с Севастополя. Люди верили, что в войне наступил перелом. А вскоре в кубанских сёлах появились исхудавшие человеческие фигуры, мало чем напоминающие нормальных людей. Но это были люди, чудом вывезенные по ладожской «Дороге жизни», жители блокадного Ленинграда, переживавшего самую страшную зиму в своей истории.

Весна сорок второго года обещала вроде бы осуществление надежд на скорую победу. Красная Армия развернула ряд наступательных операций, в том числе под Харьковом. Однако через несколько дней наступили тяжкие дни – череда сокрушительных поражений. Советские войска были разгромлены в Крыму, им пришлось оставить и Севастополь. Но главные события разворачивались севернее, в излучине Дона и Волги. Гитлеровцы рвались на восток, к Сталинграду, частью своих сил поворачивая на юг – на плодородные Кубань и Ставрополье, к горам Кавказа, за которыми уже маячил для них призрак бакинской нефти, столь необходимой для вермахта. Враг снова захватил Ростов-на-Дону. Вот-вот немецкие солдаты должны были появиться на Кубани.

Ирина Петровна, председатель колхоза, коммунистка и жена фронтовика, не питала иллюзий относительно своей возможной судьбы, если их село захватят фашисты. Было решено уходить на восток, в эвакуацию. Усадив детей на подводу, Мордюкова отправилась в страшный и трудный путь. В эти летние дни сорок второго пришлось узнать и голод, и изнуряющий зной, и налёты немецкой авиации на дороги и мосты, по которым передвигались колонны беженцев и отступающие красноармейцы. Под влиянием слухов и достоверных известий о военной обстановке, стремясь не попасть в руки немцам, Мордюковы постепенно отклонялись всё дальше на юго-восток, пересекая весь Краснодарский край и приближаясь к предгорьям Кавказа.

И всё-таки уйти от врага не удалось – слишком стремительным было продвижение немецких моторизованных частей. Позади остался Армавир, всё ближе была администра-